

С. В. Солодова,
Орловский госуниверситет
имени И. С. Тургенева,
г. Орёл, Россия,
научный руководитель А.А. Шайкин

Духовное и телесное в Житии Феодосия Печерского

Аннотация: статья посвящена проявлению духовного и физического начал в Житии Феодосия Печерского Нестора и анализу их взаимодействий

Ключевые слова: духовное, телесное, Житие Феодосия Печерского, Дух, Бог, синтез

Духовное и телесное – традиционная антитеза в искусстве и культуре разных времен и народов, которая не обошла стороной и литературу Древней Руси. Проявление этих двух начал в литературе XI–XVI веков интересовало многих ученых. В работах А. Н. Ужанкова, А. А. Шайкина, В. Н. Топорова и многих других рассматривалось соотношение категорий *душа* и *тело*. Изучение «Жития Феодосия Печерского» Нестора показало, что примеры синтеза этих двух начал человеческой природы можно обнаружить уже в ранних памятниках древнерусской литературы.

После молитвенного вступления, повествование начинается с краткой характеристики духовного подвига и жизненных достижений Феодосия. Агиограф говорит, что преподобный «измолода житиємъ чистьмъ украшенъ, добрыими дѣлесы, *върою* же и *съмысльмъ* паче» [Житие Феодосия Печерского: 352, далее – ЖФ]. *Вера* и *разум* ставятся Нестором на одну ступень, но являются ли они результатом деятельности одного и того же процесса? Данные источника говорят, что *вера* – категория души, а *разум* – категория тела, но при этом автор осознанно объединяет их.

Первые христиане признавали алогичность веры в Бога, саму веру понимали как деятельность *души*. В ряде древнерусских текстов *душа* определялась неоднозначно. А. А. Шайкин, исследуя Слово о законе и благодати митрополита Илариона, Изборник 1076 г., Повесть временных лет (вместе с текстами Владимира Мономаха), пришел к выводу, что «душа в этих текстах сопряжена с телесностью, что само по себе вовсе не пагубно, ибо освящено во-человечиванием Господним» [Древняя Русь, 2015: 110]. Житие Феодосия Печерского, как нам представляется, вносит коррективы в это наблюдение. Так А. Н. Ужанков, работавший над этой проблемой, определял «ум – как сущность духовную, часть души; разум – как интеллект, продукт деятельности мозга» [Древняя Русь, 2015: 98]. Это вполне согласуется с нашим предположением о принадлежности разума к категории тела. Делая выводы из своих наблюдений, исследователь заключает: «Разум – очи телесные, деятельность мозга, находится в голове» [Там же: 105].

Разность происхождения *веры* и *разума* чувствует и Нестор, давая себе характеристику в начале повествования: «...понудихъ ся и на другое исповѣдание приити, еже выше моя сила, ему же и не бѣхъ достоинъ – грубъ сы и *неразумичьнъ*, <...> *оградивъся върою* и упованиемъ, яко въся възможна отъ Тебе суть, начать къ слову списания положихъ, еже о житии преподобнаго отьца нашего Феодосия» (Здесь и далее курсив мой. – С. С.) [ЖФ, 1997: 352]. Осознавая это различие, Нестор, говоря о Феодосии, подчеркивает, что «измолода житиємъ чистьмъ украшенъ, добрыими дѣлесы, *върою* же и *съмысльмъ* паче» [ЖФ: 352]. То есть, сам автор в своем повествовании синтезирует противоположные начала.

Агиографу недостаточно осветить факт рождения Феодосия в семье благочестивых родителей, ему важно показать другую сторону этого события, возвестить о том, что «въсия намъ деньница пресвѣтла, якоже отъ всѣхъ странъ видѣвъше свѣтъние ея» [ЖФ: 352]. Таким образом, на свет появился не просто человек, а духовно наполненное Божье чадо: «благодать Божия съ нимъ, и Духъ Святой измла да въселися въ нь» [ЖФ: 352]. С этого момента в по-

вестование включается еще одна субстанция – *Дух*, которая будучи категорией внетелесной, существенно отличается от *души*. Определяя ее особенности, А. А. Шайкин дает следующее определение: «Дух – субстанция, пребывающая вне человека и лишь на время в него вселяющаяся, однако при этом происходит сращение духа с человеком, дух как бы вочеловечивается, «живетъ въ насъ»» [Древняя Русь: Пространство книжного слова, 2015: 114]. Добавим, что дух имеет больше возможностей, чем любые другие рассмотренные категории. Он подобен механизму Божьего управления, который руководит преподобным, направляет его благочестие в нужное русло и помогает развиваться духовно. Иногда Дух перенимает функции души: Нестор так описывает отраду Феодосия: «въздрадовася духъмъ» [ЖФ: 366].

В портретном описании Феодосия «бѣше бо кроткъ нравъмъ, и тихъ съмыслъмъ, и простъ умъмъ, и духовьныя всея мудрости исполненъ» [ЖФ: 372] встречаем сразу несколько интересующих нас начал. Не изощрен умом, но исполнен духовной мудростью – в данной характеристике нет противоречия. Мудрость Феодосия именно духовная, то есть преисполненная Духом, Высшим Началом. Это тот самый вочеловечившийся Дух, а ум, в данном случае, понимается как мыслительная способность человека, ум, которому не дано вместить в себя Божью Истину.

По свидетельству агиографа, Феодосийс ранних лет имел склонность к аскезе, любовь к книжному учению: «душею влекомъ на любовь Божию, и хожаше по вся дньи въ църкъвь Божию, послушая божьствьныхъ книгъ съ всъмъ вниманиемъ» [ЖФ: 354]. Даже решение постигать грамоту ребенок принимает сам и уговаривает родителей отдать его в учение: «Къ симъ же и датися веля на учение божьствьныхъ книгъ единому от учитель» [ЖФ: 354]. Это описание соответствует традиционному мотиву познания Бога и жизни в Боге через Святое Писание, в этом же можно увидеть и индивидуальные черты центрального персонажа, не заимствованные из более древних жизнеописаний. Как писал Г. П. Федотов, «древняя агиография знает два типа отношения к науке. Антонию Великому противопоставляются Иоанн Златоуст и Евфимий, оба усердные и даровитые ученики» [Федотов, 2000: 32]. И для Древней Руси, по мнению В. Н. Топорова, подвиг аскетизма и отказа от книжного учения органично вписывался в контекст данного времени [Топоров, 1995:650]. Но этого не случается, и Феодосий, оставшись собой, через всю жизнь пронесит книголюбие, внедряя его в устав монашеской жизни. В этом личном выборе преподобного можно, увидеть стремление автора благосклонно отнестись к интеллектуальному развитию, удовлетворению умственных потребностей, которые, в свою очередь, относятся к категории тела: «въскорѣ извыче вся граматикя, и якоже всъмъ чюдитися о премудрости и разумъ дѣтища и о скорѣмъ его учении» [ЖФ: 354]. Здесь снова встречается понятия *премудрости* и *разума*. По мнению А. Н. Ужанкова, мудрость – соединение духовной сущности человека с продуктом деятельности мозга. А разум – субстанция исключительно телесная.

Феодосий в отрочестве отрекается от хороших одежд как от элемента внешнего мира. На протяжении всего пространства ЖФ отношение к одежде всегда однозначное, здесь нет места синтезу, мирской гардероб ни при каких обстоятельствах не наполняется духовным смыслом. Как заметила Т. Р. Руди, топос «худых риз» традиционен для житийного жанра и часто, как и в нашем случае, соединяется с другими детскими топосами (например, отказ от игр). Умерщвлению плоти способствует и ношение вериг, которое доставляет Феодосию больше душевной пользы, чем ношение мирских одежд, эту мысль подтверждает и Т.Р. Руди: «Светлые одежды, таким образом, являются для подвижника своего рода духовными веригами, тяжести которых он не в силах перенести, в то время как реальное железо, которым он истязает свою плоть, он воспринимает так, как если бы оно не доставляло ему никаких страданий» [Руди, 2006: 44].

Никогда не заботясь о внешнем виде, преподобный и по смерти своей просит похоронить его в той же ветхой одежде, в которой он обычно пребывал: «да въ ней же есмь одежи нынѣ, въ той да положите мя тако въ пещерѣ, идеже постыныя дньи прѣбываахъ, ниже омывайте убогаго моего тѣла» [ЖФ: 428].

Регулярное самобичевание помогают Феодосию глубоко постичь суть христианского смирения и, наполняют душу преподобного любовью к людям, однако в нем сильно и естественное, природное начало. Нестор, описывая физический облик игумена Печерского, говорит, что он «телом был могуч и крепок» [ЖФ: 374]. Это помогало ему ежедневно пребывать в труде, выполняя свои обязанности и часто помогая другим. Жизнь в монастыре не лишена и забот о насущном, мирском, поэтому помощь Феодосия состояла в выполнении необходимых бытовых дел: «съ поспѣшьствѣмъ всѣмъ служаше, и воду нося и дрѣва из лѣса на своєю плещю», «блаженный же възъмъ раздѣленное жито и кождо часть измѣль», «блаженный, съ спѣхъмъ вѣставъ, начать воду носити отъ кладязя» и другие [ЖФ: 388].

Тружничество преподобного занимает особое место в повествовании. Кроме очевидных физических работ есть примеры и более сложного, духовно наполненного труда. Мысли Феодосия заняты молитвой, а тело его почти никогда не находится в состоянии покоя. На протяжении всего повествования настойчиво повторяется мотив движения, ходьбы. Преподобный предпринимает несколько попыток *уйти* из родного дома в святые места; находясь в монастыре он часто *обходит* по ночам кельи черноризцев; тайно *уходит* в другое место и выкапывает себе пещеру для ночных бдений; *отправляется* в соседние села для общения с мирянами и часто *ходит* спорить о Боге с иудеями. Отметим, что в этих спорах проявляется не только стремление к распространению христианской Истины, но и ежеминутная готовность отдать жизнь за Христа. Каждый раз приходя к ним, святой уже не надеялся вернуться обратно: «якоже многашды въ нощи вѣстая и отай всѣхъ исхожаа ше къ жидомъ, и тѣхъ еже о Христѣ прѣпирая, коря же и досажая тѣмъ, и яко отметъники и безаконъники тѣхъ нарицаая, жьдаше бо еже о Христовѣ исповѣдании убиень быти» [ЖФ: 416]. Противопоставление движения покою доводится до максимума при описании отдыха Феодосия: «По вечерниимъ убо пѣнии сѣдъшо ему и хотящю опочинути, не бо николиже на ребрѣхъ своихъ ляжашеть, нъ аще коли хотящю ему опочинути, то, сѣдъ на столѣ и тако мало поспавъ, вѣстаняше пакы на нощное пѣние, и поклонение колѣномъ творя» [ЖФ: 378].

Ночные бдения и молитвы Феодосия делают его «хранителем» братии, поскольку ночь – переходное время, когда предметный мир засыпает и просыпается мир бестелесного, злого. По ночам в келью приходят бесы, в поздние часы они досаждают братии. Феодосий выступает в качестве стражника в это опасное время суток, который «во всяя нощи обиходя дворъ манастырскый и молитву творя, и тою огражая и яко градъмъ твѣрдѣмъ стрѣгый, яко да не вѣшьдъ змий лукавый плѣнить кого от ученикъ его. И тако бѣ оградилъ всяя области его манастырскыя» [ЖФ: 416].

Духовное и физическое начало синтезируется не только во внешнем облике игумена. Инстинктивное, природное проявляется в преподобном и в трудных жизненных ситуациях, например, когда он подвергается бесовскому искушению: «Единой бо нощи поющю ми въ келии обычныя псалмы, и се песъ чѣрнъ ста предъ мною, якоже имъ мнѣ нельзѣ ни поклонитися. <...>Тгда же *страхъ и трепеть обиятъ* мя, якоже *хотѣти ми бѣжати* отъ мѣста того». Но духовное и здесь побеждает телесное: «Се бо малы *въспрянувъ от ужастии*, начахъ прилѣжно Бога молити и часто поклонение колѣномъ творити, и тако *отбеже от мене страхъ* тѣ, якоже отъ того часа *не бояти ми ся* ихъ, аще предъ очима моима являхуть ми ся» [ЖФ: 390]. Душа противопоставляется не только телу, но и всему вещественному, всякому материальному благу: «Безумъне, въ сию нощъ душу твою изьму, а яже събѣра – кому будуть?» [ЖФ: 400].

В ЖФ Нестора преподобный и окружающий его мир соединяют в себе духовное и телесное, не противостоя друг другу, а напротив, образуют органичное существование человека с Богом и в Боге. Не случайно Нестор характеризует преподобного как «поистинѣ земльный ангель и небесный челоуѣкъ» [ЖФ: 376].

Литература

Голубинский Е. История русской церкви. Т. 1. Период первый, Киевский или домонгольский. Вторая половина тома. М., 2002.

Житие Феодосия Печерского // Библиотека литературы Древней Руси. Т.1: XI-XII века. СПб., 2004.

Руди Т. Р. О композиции и топике житий преподобных // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. Т. 57. С. 431–500.

Топров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Том 1. Первый век христианства на Руси. – М: «Гнозис» – Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 601-871.

Ужанков А. Н. Древняя Русь: Пространство книжного слова. Историко-филологические исследования / Отв. ред. В. М. Кириллин. – М. : Языки славянской культуры, 2015. С. 98-107.

Федотов Г. П. Собрание сочинений в 12 т. Т. 8: Святые Древней Руси. Сост., примеч. С.С. Бычков. – М. : Мартис, 2000. С. 28-41.

Шайкин А. А. Древняя Русь: Пространство книжного слова. Историко-филологические исследования / Отв. ред. В. М. Кириллин. – М. : Языки славянской культуры, 2015. С. 108-131.

Шайкин А. А. Духовное и телесное как элементы повествования в «Сказании о Борисе и Глебе» и других Борисоглебских текстах // Вестник славянских культур. 2015. № 3 (37). С. 129-143.

Solodova S. V. Spiritual and Physical in the Life of Theodosius Pechersky

The article is devoted to the search for manifestations of the spiritual and physical beginnings in the Life of Theodosius of Pechersk by Nestor and the analysis of their interactions.

Keywords: spiritual, physical, Life of Theodosius of the Caves, Spirit, God, synthesis.

*А. Д. Калинина,
(Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия,
научный руководитель Л.С. Соболева*

Винопитие. Сакральный и обыденный смысл в древнерусской сатирической повести

Аннотация: В статье рассматривается тема соотношения сакральной и обыденной семантики традиции винопития на Руси. Исследуется в этом аспекте уникальный памятник древнерусской литературы XVII в. «Служба кабаку». Освящены исторические и культурные предпосылки, повлекшие появление данного памятника, рассмотрена пародийная интерпретация богослужебной традиции.

Ключевые слова: винопитие, древнерусская литература, «Служба кабаку», сатира, сакральное и обыденное.

О вине как о священном символе известно с давних времен. Древние греки особо почитали бога виноделия Диониса, для христиан вино на обряде Евхаристии – кровь Христа. В иудаизме вино играло важную роль в храмовой литургии и в различных религиозных ритуалах, включая субботнюю трапезу. Целью сообщения является соотнесение сакрального и обыденного смысла употребления вина в русском средневековом контексте.

Для славян важным элементом общественной жизни являлся пир, который, конечно, не обходился без алкогольных напитков: «Всякое мирское дело непременно начиналось пиром или попойкой, и поэтому в социальной жизни народа напитки имели громадное культурное значение. То были старинные ячные и медвяные питья, которые славяне вынесли из своей арийской прародины и пили с тех пор в течение длинного ряда веков, вырабатывая свою культуру: брага <...>, мед <...>, пиво <...>, эль <...> и квас – хмельной напиток, чисто